

**СЕРГЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ
КУПРИЯНОВ**

ГЕНЕРАЛЬША

Сергей Куприянов

Генеральша

«АСТ»

Куприянов С. Н.

Генеральша / С. Н. Куприянов — «АСТ»,

Эта история о взаимоотношениях двух девушек на фоне заката "сталинского ампира" под музыку Шопена. Молодая одаренная пианистка Катя, став женой генерала МГБ переезжает в Москву, где знакомится с Ритой, артисткой "Московской оперетты", харизматичной и эпатажной девушкой, старше себя, в которую влюбляется и хочет быть похожей на нее во всем. Наивность и беспечность Кати в поисках любви приводит к трагическим последствиям: рушится брак, погибает Рита. Но все же она находит свою любовь.

© Куприянов С. Н.

© АСТ

Генеральша

роман

Моей матери

Москва.

За окном замелькали постройки, городские кварталы. Поезд заметно сбавил ход и осторожно подкрадывался к вокзалу, отстукивая колёсами последние метры их долгого пути. Иван Никитич напряженно молчал, в раздумьях смотрел в окно. Катя механически водила пальцем по бежевому линкрусту стенки купе, повторяя его выпуклый узор, только тревожно вздыхала и старалась не смотреть в окно, боясь расплакаться и выдать все сомнения, которые одолевали её всё последнее время.

Не было в жизни Катерины такого трепетного и волнующего момента, как этот. Даже тогда, когда сказала «согласна», даже тогда, когда просталась с матерью и уезжала из города, где прошла вся её жизнь. Даже, та первая ночь, проведённая с незнакомым и неприятным человеком, как-то неожиданно ставший её мужем, вызвала скорее страх и оцепенение, чем трепет. Именно сейчас накатило какое-то необъяснимое чувство неуверенности, что приняла верное решение и чем больше замедлялся поезд, тем сильнее терзали сомнения, словно с его остановкой произойдёт нечто бесповоротное, необратимое.

Иван Никитич встал.

– Ну... вот и Москва-а-а, – протянул он торжественно, оперся на столик обеими руками и пристально смотрел в окно.

Грудь ещё больше наполнилась тревогой. Катя глубоко вздохнула, набросила на голову платок, туго завязала, надела пальто и замерла, словно готовясь к решительному прыжку. Поезд дёрнулся, остановился, выдохнул, будто издох. Она взяла чемодан и приготовилась выходить.

– Да оставь ты его, – перехватил чемодан Иван Никитич, – носильщики ж есть.

При слове «носильщик», почему-то вспомнилась картина Репина «Бурлаки», измождённые и чумазые, тащат её чемодан. Ей показалось это каким-то буржуйским пережитком.

– Я не барыня! Я и сама могу!

– Сама..., – иронично растянул Иван Никитич. Он снял с крючка фуражку и натянул низко на глаза, покрутил головой перед зеркалом в купе, поправил стойку кителя и пригладил отворот шинели.

– Привыкай, Катерина, ты теперь жена моя, соответствовать должна... положению.

Катя опустила глаза и села на место.

В дверь купе слегка стукнули. Галеев открыл дверь и на пороге показался молодцеватый капитан, высокий голубоглазый красавец с ямочками на щеках. Он скользнул взглядом по Катерине, коротко приставив руку к фуражке, представился:

– Капитан Доценко, товарищ полковник, с прибытием!

Иван Никитич протянул ему руку. Катя украдкой взглянула на капитана. Охватила странная робость, по щекам разлился румянец, словно сам артист Столяров заглянул в купе. Она потупила взгляд, отвернулась, стараясь не показывать смущение.

– Спасибо, капитан. Ну, хватай вот этот! – Иван Никитич выставил в проход Катин чемодан, достал с верхней полки ещё один, увесистый. Доценко схватил их, ещё раз бросил игривый взгляд на Катерину.

– Сейчас носильщика позову!

На перроне пахло паровозным дымом, шпалами и весной. Катя осторожно, словно в неизвестность, спускалась со ступенек. Доценко протянул руку.

– Прошу... Меня Николаем зовут, если что...

Он лукаво подмигнул, неотрывно заглядывая в глаза, спустил Катю со ступенек, а затем делово повертел головой и громко скомандовал:

– Носильщик!

Появился мужичок-татарин в форме с бляхой и подобострастием. Он схватил чемоданы, поставил на тележку, суетясь подбежал к спускающемуся Ивану Никитичу и выхватил чемодан из рук.

– Это и все вещи? – спросил Доценко.

– Больше не обзавёлся. Пошли.

Катя заворожено разглядывала здание вокзала, людей. Она ослабила платок и шла следом за Иваном Никитичем. Галеев шёл впереди, чеканным уверенным шагом, цокая подковками на сапогах, шитыми лагерными умельцами. Чуть позади семенил Доценко, услужливо что-то объясняя, постоянно оглядываясь на Катерину. Та смотрела на спину и бритый затылок супруга и думала над словами Галеева: «Должна соответствовать». Как соответствовать? Тоже носить фуражку и сапоги? Или с таким же пренебрежением смотреть на носильщика? Затылок Галеева молчал. Наверное, он не слышал этих глупых вопросов или не считал нужным на них отвечать. Становилось жарко. Весеннее солнце столицы предлагало носить лёгкие шляпки и расклешенный плащ из габардина, туфельки на каблучке, в каких встречались московские дамочки, а не теплый платок, тяжёлое пальто на ватине и чугунные ботинки. Катерина с жадностью разглядывала «дамочек», пытаясь зафиксировать каждую складку одежды, походку, поворот головы. И туфельки... Они словно не ступали, а только слегка касались перрона и, казалось, лёгкое дуновение ветра может их поднять, закружить над головами, как воздушный шарик в Первомай. Катя задержалась взглядом на одной дамочке и, получив в ответ взгляд полный презрения и надменности, смущенно опустила голову и смотрела только перед собой, глядя на начищенные до блеска задники сапог Галеева и золотистые пуговицы на его шинельной шлице. Она скинула платок и расстегнула пальто. Стало душно и от теплого солнца и от жара, внезапно нахлынувшего от этого взгляда незнакомки.

Доценко подбежал к передней двери «ЭМ-ки», преградив путь водителю, и распахнул её.

– Прощу, товарищ полковник.

Затем открыл заднюю и попытался взять Катерину под руку, но она неохотно прижала локоть. Доценко ухмыльнулся.

– Ну, как знаете...

Погрузив весь небольшой скарб, тронулись. Доценко ехал рядом на заднем сидении, любезно рассказывая о некоторых достопримечательностях, встречающихся по пути.

– Первый раз в Москве, товарищ полковник? – спросил Доценко, пристально разглядывая Катерину. Она быстро отвела взгляд и неопределённо помотала головой.

– Бывал, – буднично ответил Галеев.

– Вот, высотку строят, таких по Москве штук десять будет!

Катя, с детской непосредственностью, даже, вскрикнула от увиденной громады, строящегося величественного здания. Доценко сделал снисходительный вид искушенного знатока, будто принимал в строительстве самое непосредственное участие.

Мелькали здания, люди, машины. Катерина с огромным любопытством, с каким-то ребяческим азартом смотрела на весь этот калейдоскоп оживших картинок из журналов и альбомов, которые она специально брала в библиотеке, чтобы наперёд познакомиться с Москвой. Они оказались ещё более поразительными, чем на бумаге. И тревога разочарования, которая была в момент, когда поезд остановился, сменилась переполняющей радостью, что начинается какая-то светлая страница её жизни, в большом наполненном теплом и жизнью городе. Она почти не слушала, что говорил Доценко, а углубилась в свои ощущения, грёзы предстоящей здесь жизни. Галеев молча курил и смотрел прямо, не обращая внимания ни на Доценко, ни на столичные красоты. Казалось, он всё это видел тысячи раз и ничто не могло его удивить или взволновать.

– Какой смешной автобус! – воскликнула Катя, тыча пальцем в стекло, показывая на двухэтажный троллейбус.

– Это троллейбус, – угрюмо буркнул Галеев, не повернув в её сторону головы. Катя проводила глазами троллейбус и перевела взгляд на затылок мужа. Доценко хмыкнул.

«Нужно соответствовать», – подумала она. Стало немного стыдно за свою провинциальность. Она почувствовала эту неловкость ещё на вокзале, когда та «дамочка» пронзила презрением её самолюбие. Сейчас это чувство только усилилось. Она выпрямилась и изредка бросала взгляд то на затылок супруга, то на городской пейзаж за окном. Доценко молчал со снисходительной ухмылкой, что ещё больше усиливало её стыд.

Машина подъехала к невзрачному трехэтажному зданию, на котором красовалась табличка «Общежитие №3». Первым выскочил водитель, оббежав машину, распахнул дверь перед Галеевым. Вышел Доценко и протянул руку Кате. Она нехотя позволила поухаживать за собой, чувствуя всю ту же снисходительность на лице капитана, словно он знал о какой-то её тайне.

– Вот и приехали. Скворцов! Вещи на второй, в двести десятую! – скомандовал Доценко шофёру, – Если проголодались, товарищ полковник, тут столовая есть, неподалёку. На довольствие... – он взглянул на часы, – всё равно уже не успеем.

– Ты как? – Галеев посмотрел на Катю, – Перекусим?

– Не знаю... – неуверенно произнесла она, не столько из-за того, что не разобралась, насколько голодна, сколько не была уверена, не увяжется ли этот хлыщ-капитан за ними и не будет смотреть на неё так же снисходительно и высокомерно.

– Пошли, – прервал её сомнения Галеев, – а ты капитан, свободен. Машину завтра в восемь. Отдыхай.

– Вас понял, товарищ полковник, – обмяк Доценко, почувствовав, что его предусмотрительность и необходимость не оценена начальником. Кисло улыбнулся, приставил руку в приветствии:

– Всего доброго...

Он что-то ещё хотел добавить, скользнув взглядом по Кате, словно искал повод остаться.

– Найдёте сами? Тут недалеко...

– Найдём, – оборвал Галеев. После этих слов, Катя почувствовала, что голодна.

Ночь на новом месте прошла в тревоге и дурных мыслях. Она почти не спала. Осторожно ворочалась, боясь скрипнуть и разбудить Ивана Никитича, тихо плакала, травя себе душу сомнениями, что поступила правильно. Не было в её короткой девичьей судьбе ни романтических ухаживаний, ни опыта отношений с парнями, ни, вообще, с мужчинами. Всё так быстро и внезапно. Больше полагаясь на опыт и авторитет матери, чем на собственные чувства. Манила Москва, она грезилась о Большом театре, больших проспектах, домах, где жили какие-то особенные люди, концертах и музыкальных вечерах. Может, это и было основной причиной дать согласие выйти замуж за Ивана Никитича, она и сама не могла себе ответить. Вырваться из серости и безысходности Саранска, где она провела не очень сытую и однообразную жизнь. Ну и конечно – мать, убедившая Катю, что от такого предложения глупо отказываться. Она словно выпихнула её, как мать выпихивает ребёнка из полыньи, чувствуя обречённость и неминуемую трагедию – сама уходит под лёд.

Душила обида, необъяснимая, безутешная, когда вспоминала ту «дамочку», ухмылки Доценко. Как в детстве, когда мальчишки устроили обструкцию за то, что не хотели принимать в пионеры из-за отца. И ещё Иван Никитич. В столовой он выпил, а когда ложились спать, стал помогать. Меньше всего сейчас хотелось его ласк и поцелуев. Катя расплакалась. Хотелось убежать, куда глаза глядят. Любовный порыв Галеева угас, он молча, с угрюмым видом разделся и лёг спать.

Под утро она уснула, успокоив себя, что всё-таки она в Москве, всё ещё наладится, как-то обустроится. Она замужем, как говорила мать, «за каменной стеной». Всё будет хорошо.

Катя проснулась от ощущения, что Иван Никитич залез к ней под ночную рубашку и крепко схватил за ягодицу. Она встрепелась, вскрикнула, хотела вскочить, но Галеев с силой откинул её опять на подушку.

– Ну что ты, как целка, будто в первый раз!

Взгляд был суровым, нетерпящим возражений. Катя прерывисто вздохнула, повернула голову к стене, выражая повинование. Галеев навалился сверху и вошёл в неё. Она сильно зажмурилась, словно от боли. Хоть больно и не было, но память того первого раза остро засела в голове, не позволяя расслабиться до самого конца. И уговаривала себя, что это необходимая часть супружеской жизни, но не могла себя превозмочь. Супруг, недолго поскрипев кроватью, свалился на бок.

– Тебе что, так противно?

– Нет... просто немного больно, – соврала Катя, выдохнув с облегчением, поняв, что истязание закончилось.

Галеев недоверчиво посмотрел на неё, встал, закурил.

– Правда, Иван Никитич, все эти переезды... так меня измучили... Не могу расслабиться, – попыталась она оправдаться.

Галеев пристально посмотрел на жену. Щеки Кати предательски горели.

– Ладно, давай мужа собирай.

Катя быстро встала, застелила постель, наспех заплела волосы в толстую косу и стала ждать указаний Галеева. Почему-то быстрее хотелось остаться одной, не чувствовать на себе его взгляд, быть собой и не стараться «соответствовать».

– Сапоги начисть, – Галеев брился, вытянув подбородок, срезая пену опасной бритвой.

Катерина с готовностью бросилась в угол, где стояли сапоги. Они отливали лаковым блеском, словно уже кем-то начищенные. Она надела один сапог на руку и покрутила перед глазами.

– Иван Никитич! А они и так начищены...

Катя поднесла сапог и показала супругу. Галеев посмотрел на сапог, затем на Катю.

– Начищены, это когда отражение своё в нём увидишь, понимаешь? – Галеев налил в горсть «Шипр» и стал лупить себя ладонью по щекам, вбивая в лицо одеколон.

Катя опустила глаза и отошла назад в угол. Она покрутила сапог на руке, пожалала в недоумении плечами, открыла маленький фанерный чемоданчик, в котором аккуратно были сложены три щётки, с щетиной разной длины и жесткостью, баночки с ваксой, и две широких полоски: одна суконная, а другая темно-бордового бархата, похожего на знамя, которое висело у них в училище. Катя растерялась. Казалось, что это был набор профессионального чистильщика. Она оглянулась на супруга, боясь сделать что-то не так. Наличие такого набора говорило, что его обладатель относится к такой простой процедуре, как некоему ритуалу. Галеев уловил её растерянность.

– Возьми вон ту, крайнюю щётку, жесткую, а ваксу лучше на скипидаре, вон ту с завинчивающейся крышечкой, она больше блеска даёт. В дождь лучше с воском, но он не так блестит. А потом суконкой натираешь. Ну, а в конце... бархоткой, – плавно провёл он рукой, – Эт наука, Катерина, осваивай.

Катя открыла банку и комната наполнилась резким неприятным запахом, вытаскивая из памяти детские воспоминания, как мать натирала её скипидаром, когда та сильно простыла. Уже много позже он напоминал ей болезни, мрачную фельдшерскую, глаза матери, с застывшими в них слезами. Катю передёрнуло. Она макнула щётку и с силой, старательно начала растирать ваксу. Затем надела сапог на ногу и с энтузиазмом отполировывала его суконкой.

– Прежде чем брать суконку, нужно дать время ваксе впитаться и просохнуть, – заметил Галеев жене. Катя остановилась, вытерла испарину,

– Хорошо...

– Ладно, давай следующий, времени-то уже нет.

Катя с такой же энергией набросилась на второй сапог.

Галеев стоял босой в зелёном кителе, васильковых бриджах и внимательно наблюдал за Катериной.

– Ну-ка, покажи!

Иван Никитич взял сапоги, с недоверием осмотрел, швырнул их к табурету и сел сам.

– Дай-ка новые портянки. Понимаешь, Катерина, по сапогам-то всё отношение к службе можно понять. Бывают и блестящие, а не подбиты. Сразу видно – очки втирает, карьерист. Грязные – лодырь или неряха. Тоже путного ничего не жди. Уж сколько я в этом убеждался... Я людей по сапогам сразу раскушу. Так и отец мой меня учил, а он, хоть и сапожником был, а разбирался не только в сапогах, но и человеке, который их носит. А уж сапоги-то знатные точал... ммм... Сейчас, поди – сыщи... Вся Самара знала, ежели нужен сапог, так к Никите Галееву. А какие прохоря шил, ух!

– А что с ним? Где он?

– Помер он... в двадцать втором... Голодно было тогда. Нас с братом в Дербент отправил, а сам, с меньшими, да мамкой... все с голоду и померли. Заготовки жрали..., – у Галеева заходили желваки.

Катя трагично взглянула на мужа.

– Какие заготовки?

– Подошвы... они ведь кожаные. Варили и жрали. Так все и померли... И мать и две сестры...

– А брат? Жив?

– Тимофей... Тот в сорок втором... на ленинградском... Так что, один я – Галеев, Катерина, остался. Как перст, один. А вот родишь мне пацана, а то и двух и продолжится род наш...

Он с особой тщательностью наматывал портянки, затем натянул сапоги, встал и постучал по полу.

– Вот так-то! Я вот, что скажу... Я человек простой и про любовь говорить не привычный. Если, что грубое сделаю или скажу что – ты прости. Это потому-то, что всю душу службе отдаю и для тебя всё сделаю. Будешь, как королева жить. Дай время. Я матери твоей обещал, а ежели сказал – так тому и быть. Ты в общежитии не сиди. Погуляй по Москве, посмотри, что, где, можешь в кино сходить, мороженое там... халвы купи. Я... халву с чаем очень люблю. Вот тебе тридцать рублей, в столовую сходи... В общем, осмотришь, Катерина.

Галеев положил на край стола три десятки, натянул фуражку на самые глаза, напоследок покрутился перед зеркалом и вышел.

Катя некоторое время стояла в том же положении, в котором её оставил супруг, пытаюсь осознать сказанное Иваном Никитичем, насладится одиночеством и составить в голове хоть какой-нибудь незначительный план, что делать. Она села на оставленный посреди комнаты табурет, сложила руки на коленях и, не мигая, смотрела в окно. Затем вскочила, словно о чём-то вспомнив, схватила чемодан и начала в нём рыться. Она достала простую тетрадку, химический карандаш, вырвала двойной листок и, придвинув к столу табурет, начала писать.

«Дорогая мама! Пишу тебе из Москвы. Мы доехали хорошо, поселились в общежитии. Тут очень большая и светлая комната, даже есть умывальник. Иван Никитич ушёл на службу, а я осталась одна. Хотя Москву я видела только из окна машины, она меня поразила, такая большая и красивая...».

Катя старательно выводила буквы, периодически обсасывая карандаш и замирая, что-то обдумывая. Мысли путались, хотелось написать о тех чувствах горести и досады, которые она ощутила, но расстраивать мать не хотела и старалась держать оптимистический тон письма. Заклеив конверт, стала разбирать вещи, примеряя, в чём можно выйти на улицу. Гардероб был

невелик. Пара ситцевых платьев, пара белых бязевых блузок, материна юбка, которую немного подрубила, жакет на все праздники и две кофты. Из обуви: белые парусиновые туфли и черные, новые, с ремешком, которые мать купила на рынке в подарок дочери по случаю росписи. Катя поставила их на стол, борясь с соблазном сейчас же надеть их и выскочить на улицу, доказать москвичкам, что у неё не только зимние стоптанные ботинки, но есть и модельные туфли. Она вздохнула, посчитав этот порыв ребяческим и аккуратно сложила их назад.

Район, где находилось общежитие, ничем особенным не выделялся и чем-то напоминал Саранск. Те же убогие бараки и пристройки, сколоченные из всякого хлама, бельё на верёвках, подпёртое длинными шестами, чугунные колонки, босоногая детвора, и такие же выразительные обитатели. Что отличало это от Саранска, был воздух, наполненный каким-то тревожным и приятным ожиданием. Будто за тем углом сразу откроется Москва, та, как на открытках. Она шла мимо этой знакомой обстановки, словно кто-то неведомый не хотел сразу раскрывать всю красоту, величие и царственность столицы, ошеломлять и подавлять своей монументальностью и грандиозностью, а давал время подготовиться, привыкнуть.

Катя прошла мимо лавки, где продавали керосин и вышла на широкую улицу. Немного постояв, раздумывая куда пойти, свернула налево. Это уже была та Москва, которую она жаждала увидеть. По широкому проспекту неслись машины, гулом наполняя городской пейзаж. Большие красивые здания выстроились вдоль улицы, словно экспонаты, демонстрируя свои архитектурные достоинства. Одно здание её поразило больше всего. Это был огромный, в девять этажей, дом на треть облицованный рустовым красным гранитом, с аркой посередине. Слева и справа от арки здание украшали два ризалита, делавшие его ещё выше. Ризалиты венчались башенками в виде маленьких античных дворцов с колоннами, в которых, казалось, жили какие-то античные боги. Многочисленные колоннады, портики, пилястры, причудливые консоли и карнизы придавали зданию торжественность и величие дворца. Но больше всего поражало не столько архитектурное богатство здания, сколько то, что в нём жили люди. Это был не музей, не дворец, как в Ленинграде, про который ей рассказывала мать. Это был жилой дом. Кем были эти люди, за какие заслуги поселились тут? Катя стояла, раскрыв рот, снизу вверх рассматривала здание. Затем, её взгляд заметил эмалированную табличку: «Ул. Чкалова».

«Чкалова... может тут живут «чкаловцы», «папанинцы», герои Советского Союза?», – подумала она и представила, какое это, наверное, счастье жить в таком доме.

Дом, словно магнит, надолго удержал её внимание, но насытившись зрелищем и вздрогнув от неожиданного трамвайного звонка, она посмотрела по сторонам и заметила почтовый ящик. Бросив в него письмо, Катя пошла дальше. Хотелось посмотреть Красную площадь, Большой театр, ВХСВ, метро. Она даже не понимала, куда её больше тянуло. Хотелось увидеть всё сразу. В голове мелькали кадры из фильмов, открытки с видами Москвы, а грудь наполнялась радостью встречи, желанной и долгожданной.

– А как пройти на... – она остановила прохожую женщину и запнулась, перебирая в голове, куда больше всего ей хотелось, – на... Скажите, а Большой театр далеко?

Женщина смерила её недоверчивым взглядом.

– Вот туда, если пешком, но... сейчас время такое, там дворы глухие, шантрапы всякой шастает... Ты, девонька, лучше на метро, на «Курскую» иди, а там до «Площади Революции» доехать. Там тебе всё, и Красная площадь и театры... Вот прямо так и дойдешь.

Женщина махнула рукой вдоль улицы.

– Спасибо! – радостно ответила Катя и, ускорив шаг, пошла к метро. Предстояла ещё одна долгожданная встреча. Желание поскорей увидеть метро толкало вперёд и вперёд, заставляя и без того скорый шаг чередовать с пробежкой.

Ну вот! Заметив здание с тремя арочными сводами, над фронтоном которого красовалась огромная буква «М», она остановилась перевести дыхание и дальше старалась идти степенно,

без спешки. Было много народу, чувствовалось близость вокзала. Граждане с ручной кладью, чемоданами, узлами, мешками суетились воле входа. Катерина купила билет и остановилась в нерешительности, что делать дальше. Уже начиная с вестибюля, метро завораживало своим размахом, мрамором, причудливой лепниной. Катя шла, разглядывая стены и своды, пока не натолкнулась на тётеньку в чёрной форме и красной шапке-кепке.

– Билетик, билетик! Не задерживаем, проходим! – выхватила она у Кати билет, оторвала край и всунула его ей обратно в руку.

Возле эскалатора образовалась внушительная пробка. Чем ближе толпа подталкивала Катю к «движущейся лестнице», тем сильнее её охватывал страх. Язык огромного чудища вырывался откуда-то из-под земли и «слизывал» скопившуюся толпу в своё горло, уходящее под землю. Она замешкалась, остановилась.

– Не задержуй, деревня! – кто-то сзади вытолкнул её на «язык» и она поплыла вниз, едва удержавшись на ногах.

Казалось, это был какой-то гигантский подземный аттракцион. Навстречу также двигался поток людей, которых чудище «отрыгивало» назад, наверх. Всё было диковинным и сказочным. В конце пути её опять охватил страх. Защитная гребёнка, словно зубы оскалившегося чудища, под которые уходил «язык» внушал ей ужас. Она попятилась, но снова натолкнулась на кого-то сзади и опять тот же голос обозвал её «деревней» и толкнул вперёд.

Оказавшись на твердом полу, она перевела дух и осмотрелась. Люди буднично перешагивали с эскалатора, кто её толкнул, она не заметила, да и не было обидно, даже была благодарна, что так вышло. Теперь страх ушёл и Катерина неспеша глазела на серые мраморные стены, арочный филёнчатый свод станции, увешанный громоздкими люстрами. В ушах, заглушая гулкие звуки подземелья, зазвучала григовская «В пещере подземного короля». Подъехал поезд и голос диктора произнёс знакомое: «Следующая станция – «Площадь Революции»». Катя спохватилась и заскочила в вагон. Двери закрылись и вагон тронулся. Поезд стремительно разогнался и ей показалось, что вагон летит с бешеной скоростью. Внутри всё сжалось. Катя крепко схватилась за поручень и ослабила руку только тогда, когда поезд начал притормаживать. Объявили станцию, она вышла. В голове опять заиграл Григ. Глядя на великолепие убранства, обилие мрамора, скульптур, огромное число величественных люстр, возникло чувство торжественности и сопричастности к чему-то громадному, историческому. Катя заворуженно ходила от скульптуры к скульптуре, гладила мрамор арок. Больше всего её привлекла скульптура девочки с книжкой. Она казалась беззаботной, естественной и лёгкой, словно она ненадолго увлеклась чтением и её сейчас позовёт мама, она вскочит и убежит. Будто её не держит тяжелое бронзовое основание.

Катерина долго ходила по залу, ещё и ещё всматривалась в бронзовые лица скульптур, боясь расстаться с чувством восхищения и восторга.

Выход в город уже был не таким стрессовым. Она даже с азартом, словно играясь с «чудищем», прокатилась на эскалаторе и вскоре оказалась на залитой солнцем улице. Григ «уступил» Первому концерту Чайковского. Внутри всё ликовало и радость распирала грудь. Ноги несли неведомо куда, хотелось куда-то идти, всё равно куда, всё было удивительным и интересным. Она немного заблудилась, но решив, что первым всё-таки должен быть Большой театр, остановилась и решила спросить.

– А... как пройти к Большому театру? – обратилась она к группке молодых людей, проходящих мимо.

Одна девушка замедлила шаг.

– Так вот же он!

Ребята засмеялись и этот смех был таким добродушным и искренним, что Катя сама рассмеялась над своим вопросом.

Это был Большой театр. Не просто большой – огромный! Никакие открытки или фотографии из альбомов, которые Катя видела в Саранске, не могли передать этого величия и грандиозности. Теперь звучала увертюра из «Щелкунчика», а пальцы подрагивали, нажимая невидимые клавиши в такт музыки. Хотелось танцевать. Какое это было счастье!

2

. Дом на Чкаловской

Так продолжалось до конца мая. Иван Никитич уходил на службу, Катя покорно выслушивала замечания и наставления супруга, стараясь не задерживать возражениями и недовольством, стремясь поскорее остаться одной и снова и снова знакомиться с Москвой. На деньги он не скупился, хотя она и не тратила почти ничего – только на проезд, мороженное и пирожки. Обедали они отдельно, а ужинали иногда вместе в столовой или пили чай в комнате, когда Иван Никитич приходил раньше обычного. Катин восторг Москвой, Галеев не разделял, и при каждой попытке поделиться своей радостью, новыми впечатлениями, Катерина наткнулась на скепсис супруга, замечания и предупреждения об осторожности и осмотрительности в транспорте и малоллюдных местах.

Чем был занят Галеев, он не говорил, только загадочно намекал про сюрприз, который её ждет и про то, что скоро всё изменится так, что Катерина забудет про всё на свете. Что это был за сюрприз, она не спрашивала. Общение с супругом становилось всё больше скупым и в виду не слишком большой разговорчивости самого Ивана Никитича, да и нежеланием самой Катерины поддерживать разговор. Присутствие мужа её тяготило. Она ощущала постоянное оценивание, была скованна и напряжена. Хотя и убеждала себя, что таков закон жизни – люди живут парами и нужно терпение, чтобы этот союз держался. Какой должна быть семейная жизнь, Катя не знала. Были только воспоминания о её семье, где отец был гораздо старше матери – абсолютным и непререкаемым авторитетом, а мать была прислугой, возможно любимой и уважаемой, но прислугой. Она не помнила, какие были между ними отношения, была ли любовь, интимная жизнь. Отец был строг. Когда Катя была ещё маленькой и совершала какой-либо проступок, отец никогда сам не наказывал, не повышал голоса, молча и строго наблюдал, пока мать отчитает её и возвращался к своим делам. Мать всегда разговаривала с ним почтительно, на «вы», что привила и ей. Он умер в сорок шестом, немного не дожив до шестидесяти пяти, и воспоминания тринадцатилетней девочки не давали никаких представлений о семейных отношениях отца и матери. О любви она тоже ничего не знала. Только из книжек Катя познавала об отношениях мужчины и женщины, в которых любовь казалась сказкой, несбыточной и далёкой, бесполой и романтической. Премудростей интимной жизни, которыми обычно матери наставляют дочерей, она была тоже лишена. То ли мать стеснялась этой темы, то ли груз проблем и тяжесть бытовых условий, свалившиеся на неё, скоропостижно потерявшей опору, отбили всякий опыт и память об этом.

Когда Катя оставалась одна, тяжесть напряжения отпускала. Она увлечённо читала. А когда покидала стены общежития, чтобы погрузиться опять в Москву, так увлекалась, что забывала о существовании Ивана Никитича. В эти моменты она не чувствовала себя замужней, будто не было никакого супруга, с его щепетильным отношением к сапогам и форме, нравов-учениями и наставлениями. Как заигравшийся и увлечённый ребёнок забывает, что есть кто-то ещё и не слышит, как его зовёт мама.

О чём она сучала – была музыка. Она была всегда в её жизни, сколько она себя помнит. Ещё пятилетним ребёнком отец сажал её к себе на колени и её пальчиком наигрывал мелодию на пианино. Старенький «Бехштейн», который отец чудом перевёз из Ленинграда, где они жили до высылки в 1935 году, был её первой и самой любимой игрушкой. Сначала это была забава, но постепенно музыка превратилась в муштру, каждодневную многочасовую пытку, а

отец – в последовательного и методичного палача, которого не трогали ни слёзы, ни мольбы, ни боль. После его смерти, каждодневные упражнения стали уже бессознательной необходимостью, рефлексорными, как у дрессированной собачки: на окрик «Але!» вырабатывается уловный инстинкт выполнить заученную команду. Потом была музыкальная школа, училище, где она была лучшей ученицей. Повзрослев, пианино осталось её самым главным увлечением, заменяя прогулки, подруг и общение со сверстниками, заполняя почти всё её свободное время.

31-го мая, утром в субботу Иван Никитич был в приподнятом настроении и на службу не спешил. Спрашивать причину такого сбоя распорядка Катя не хотела, боялась выдать своё желание поскорей остаться одной. Супруг встал позже обычного, не стал бриться и, игриво насвистывая, начал укладывать вещи в чемоданы.

– Ну вот, Катерина, переезжаем, – сказал он, немного подождав, когда Катя заинтересованно начала следить за его сборами, – давай, собирайся.

– Куда? – она растерянно посмотрела на мужа и захлопала ресницами.

Иван Никитич сделал важное и загадочное лицо и, с нескрываемым удовольствием, ответил:

– Всё сама увидишь, собирайся.

Он подошёл к Кате обнял за талию, сомкнув пальцы рук за её спиной и посмотрел в глаза. Она избегала встречаться взглядами с Иваном Никитичем. Тяжелый и пронизательный взгляд бледных, почти бесцветных глаз, вызывал у неё неприятное чувство вины, непонятно за что, будто он догадывается или точно знает, но молчит и всматривается, чтобы увидеть, распознать, насколько ты врешь, что ты скрываешь, насколько ты готова к признанию. Катя отвернулась и напряглась.

– Что ты всё дичишься, как зверёныш прячешься? Я же для тебя стараюсь... Любви - то я не прошу, просто ласковой будь. Я для тебя, Катерина, да что захочешь... А ты, как от чумного от меня шарахаешься.

Катя густо покраснела. Бросила короткий взгляд на супруга.

– Не привыкла я ещё, Иван Никитич, дайте время. Тяжело мне... Простите меня... Я больше не буду...

Глаза наполнились слезами, Катя прикрылась ладонью и отвернулась.

– Ну вот ещё, – с досадой произнёс Галеев, заметив слёзы, – «больше не буду»... Прямо, как маленькая... Ну что ты, Катя...

Иван Никитич обнял её и прижал голову к плечу.

– Ты меня не бойся, я тебя не обижу... Ну, всё, всё хватит сырости, скоро машина приедет, а мы не собраны. Давай, давай, – Галеев похлопал жену по попе. Катя вздрогнула, опять вспыхнули щёки.

По попе её пару раз хлопнул сосед дядя Витя, деливший с ними общую кухню в Саранске. Пьянчуга и дурак, не дававший прохода матери после смерти отца, приговаривая: «Налилась Катюха, растёт смена». Тогда она не пожалела литра молока, которое стерегла на керосинке, плеснула соседу на грудь и живот. Хоть и пришлось соврать матери, что разлила молоко по неосторожности, но дядя Витя после этого старался одновременно с ней на кухне не появляться, да и мать освободила от скабрёзного внимания соседа.

Воспоминания придали ей решительности. Катя нашла предлог освободиться от Галеева и вырвалась из объятий, судорожно начала складывать вещи.

– Да-да... я быстро...

Через пятнадцать минут Катя сидела на краю кровати и смотрела в окно. Нахлынула внезапная тревога. Куда они переезжают? Что за сюрприз? Будет ли она ему рада? Иван Никитич тоже молчал, напряжённо думал. Тишина и озабоченный вид супруга только усиливал тревогу. Катя чувствовала, что наступает какой-то новый период её жизни, но какой – ответить не могла. Галеев посмотрел на часы.

– Ладно, пошли...

В ту же секунду в дверь постучали.

– Входи! – скомандовал Галеев. Катя встала и хотела взять чемодан.

– Да оставь ты его! – прикрикнул Иван Никитич.

В комнату вошли водитель Скворцов и незнакомый сержант, вытянулись и отдали честь.

– Разрешите, товарищ полковник!

– Давай, Скворцов, давай! Заждались уже.

– Товарищ полковник... так и десяти ещё нет, – попытался оправдаться Скворцов.

Они схватили вещи и вышли. Галеев с Катей пошли следом.

Ехали недолго. Машина выехала на большую широкую улицу немного проехала и остановилась перед большой аркой того самого дома с маленькими античными дворцами на крыше. Сердце бешено забилося и бросило в жар.

Галеев вышел из машины и, сощурившись, посмотрел вверх.

– Ну вот Катерина, теперь это твой дом.

Катю сковал неведомый страх. Ни в каких снах, самых дерзких фантазиях не могла она себе представить, что она, простая девчонка из Саранска будет здесь жить. Она стояла перед этой исполинской громадой, с трепетом и страхом смотрела на кладку огромных рустовых камней, словно на крепостную стену, за которой обитало сказочное чудовище.

«Что это? Сон? Что ждет меня за ней? Чем я заслужила, а может, провинилась? Может это не дворец, а наоборот, моя тюрьма?», – думала Катя. Она заметила в окне третьего этажа девочку лет шести, та махала ей рукой, улыбалась и вовсе не казалась несчастной. Дурные мысли улетучились, страх отпустил. Она даже выругала себя за это глупое суеверие.

– Ну, давай, Катерина, – подтолкнул Галеев, – как хозяйка, первой и заходи.

Катя робко переступила порог подъезда, поднялась по ступенькам короткой широкой лестницы, устланной ковровой дорожкой и остановилась. Слева стоял стол, за которым сидела строгая вахтёрша и пристально глядела на неё поверх очков. Гораздо строже, чем в общежитии, с которой потом даже подружилась, будто она была самой главной вахтёршей во всём СССР.

– Ты, девочка, к кому?! – важно спросила женщина и поднялась. Катя оробела и повернулась к Галееву.

– Прямо! – Галеев показался в проеме двери, взял за локоть Катю и легонько подтолкнул.

– Здравствуйте товарищ полковник! – увидела вахтёрша Ивана Никитича и строгость сменилась угодливостью. – Ваша доченька? Взрослая какая...

Скворцов, идущий сзади, чуть не споткнулся, расплылся в улыбке и слегка хмыкнул. Галеев обернулся. Скворцов сделал вид, что вытирает нос, поставил чемодан и, пряча взгляд, стал отчаянно его тереть.

– Это – моя жена! Галеева Екатерина Дмитриевна, запомните, пожалуйста!

– Извините, товарищ полковник, обязательно запомню! Проходите, проходите, Вам на седьмой? Где Сомовы жили?

Галеев ещё взглянул на вахтёршу, всем видом давая понять, что ещё одно слово и он что-нибудь с ней сделает. Вахтёрша потупила взгляд, опустила на стул и замолчала.

Галеев подошел к металлической решетчатой двери и нервно позвонил.

– Ведьма, – тихо произнёс Иван Никитич, разлившись на вахтёршу. Не то чтобы Катя была рада таким отлупом вахтёрши, но почувствовала некоторое удовлетворение, что есть кто-то, кто мог постоять за неё. Сколько раз ей приходилось сталкиваться с хамством и высокомерием людей, которые хотели поднять перед ней свою ничтожную значимость исключительно грубостью и невежеством и только сейчас все они, в лице этой вахтёрши, получили достойный ответ. За дверью что-то щелкнуло, дверь открылась, и из неё вышла женщина.

– Здравствуйте, – она приветливо поздоровалась, – Проходите.

Катя заглянула в кабинку лифта и растерялась, полагая, что за дверью должна быть уже её новая квартира. Она даже не сразу поняла, что это за помещение. Когда все погрузились, жен-

щина захлопнула дверь и нажала на кнопку. Лифт дернулся и поехал вверх. Катя почувствовала какой-то приятный спазм внизу живота, вздрогнула и закрыла глаза. Галеев был сосредоточен, женщина взглянула на Катерину. По щекам разлился румянец, предательски выдавая необычное чувство. Лифт вскоре остановился. Катя открыла глаза и смутилась. Она набрала воздуха и вышла вслед за Галеевым. На площадке было две квартиры. Они подошли к двери, Иван Никитич звякнул ключами и распахнул перед Катей дверь.

– Ну вот, Катерина, – торжественно сказал Галеев, – давай, принимай владения.

Квартира встретила запахом паркетной мастики, полной тишиной и полумраком. Катя осторожно прошла по коридору вглубь.

– А где наша комната? – спросила она Галеева шёпотом, словно боялась кого-то потревожить.

– Какая комната?! Вся квартира твоя! Ты понимаешь?! – громко и радостно рассеял тишину Галеев.

Он прошёл в зал и распахнул шторы. Свет мгновенно заполнил всё пространство огромного зала. У Кати перехватило дыхание.

– Скворцов! Оставляйте вещи и свободны!

Сержанты внесли в зал чемоданы, козырнули и вышли, вертя по сторонам головами. Катя, не понимая, что всё это может принадлежать ей, пусть не ей одной, её мужу и ей, что она тут единственная хозяйка, опустила на чемодан и зачарованно оглядывала зал. Галеев распахнул шторы на других окнах. Площадь громадной, почти квадратной комнаты, дополнялась большим, во всю ширину комнаты, эркером с огромным сводчатым окном и двумя узкими по бокам. В эркере стоял рояль, накрытый льняной тканью. Посреди комнаты располагался большой овальный стол с шестью зачехленными стульями. Зал венчала большая бронзовая люстра, свисающая из лепной круглой розетки. Высокий потолок обрамлял, словно массивная рама картины, лепной бордюр. Из мебели, кроме стола и рояля, был большой буфет, диван и два кресла, также в светлых льняных чехлах. Между креслами у стены, возвышалась радиола, походившая на большую громоздкую тумбу.

– Ну как? – после некоторой паузы спросил Иван Никитич, видимо ещё сам не привыкший к тому, что он здесь не гость, внимательно и с тревогой рассматривал комнату. Катя молчала, потрясённая и оглушённая этим простором и великолепием. Она продолжала сидеть на краешке чемодана, боясь шевельнуться, встать и осмотреть всю квартиру. Любопытство сковал необъяснимый страх, будто она воришка случайно попавшая в эту квартиру и вот-вот должен прийти хозяин, какой-то страшный и жестокий.

Галеев, видя растерянность жены, подошёл и присел на корточки перед ней.

– Ну что ты? – он взял её за руку. – Это теперь твой дом, наш дом! Нарожаешь мне деток, места вона сколько! Заживём, Катерина! Чего ты, словно на похоронах?

Не заметив никакой реакции Кати, продолжавшей сидеть в той же позе, он попытался поднять её, но ноги не слушались. Она осталась сидеть. Галеев выпустил её руку.

– Ладно... посмотрим, что у нас там?

Некоторое время Катя продолжала сидеть, пытаясь собраться мыслями, затем осторожно встала и медленно прошла к роялю. Она бережно отвернула ткань и открыла крышку. Как долго она не касалась клавиш, как она соскучилась по ним. Ряд желтоватых клавиш отливал ровным матовым блеском. Она нежно дотронулась до них и взяла аккорд. Еле слышно, робко, боясь нарушить покой кого-то невидимого хозяина этой квартиры. «Блютнер», словно понимая таинство момента, отозвался мягким тихим до минором. Катя дождалась, когда растает последний звук, набралась смелости, села за рояль и тихо, осторожно заиграла ноктюрн до минор №13 любимого Шопена. Постепенно музыка становилась громче, отпускала робость, но накатилась такая необъяснимая грусть и горечь, что, когда Иван Никитич вошёл на звуки музыки

и обнял Катю за плечи, она упала головой на руки и разрыдалась. Она пыталась убежать, чтобы не показывать своих слёз, но Галеев схватил её и прижал к себе.

– Ну что ты, дурёха... ну разве можно быть такой? Люди кругом... злые, с ногами в душу влезут и вытрут их об неё. Ты за меня держись, я тебя никому, слышишь, никому в обиду не дам! Ну, родная, ну что ты... радость, ведь, какая. Ты разве могла мечтать... Ну?! – Галеев крепко прижал её к себе и сам растрогался. Пожалуй, за всё время, сколько они были вместе Катя впервые почувствовала искренность и нежность в словах Ивана Никитича. Она обняла его и ещё сильнее расплакалась.

Все выходные они провели вместе. Иван Никитич хоть и был, как обычно не многословен, деловит, но была пробита стена отчуждения и Катя уже не чувствовала того нависающего гнёта от его присутствия, напротив, старалась чем-то угодить, увлечённо бралась за уборку, любую работу по дому. Наступило такое вдохновение и желание, что-либо сделать, что Иван Никитич даже её останавливал.

– Ну, Катерина, тебя не останови, ты так весь дом будешь драить. Отдохни, посиди, поиграй что-нибудь.

Но её это ещё больше раззадоривало. Квартира была огромной, четыре комнаты, необъятная кухня, кладовая по размерам с, их в Саранске, спальню. Всё было в диковинку: унитаза, душ, горячая вода, газовая плита, чудные выключатели и краны. И телефон. Катя с трепетом снимала трубку, слышала потрескивающее «ля» и тут же с игривой улыбкой, вешала назад. Всё вызывало её восторг.

Когда Катя с искренним энтузиазмом начала делиться своими планами с Иваном Никитичем о благоустройстве, бытовых мелочах, питании, что обязательно будет что-нибудь печь или готовить какие-нибудь вкусности, Галеев снисходительно улыбнулся, посадил её на колени, положил её руку на свою ладонь и накрыл другой.

– Я в жены, Кать, не кухарку брал. Ты тут марафет можешь наводить, как тебе хочется, цветочки, там, вазочки, но вот прислужгой быть не надо.

– А кто же всё это будет убирать, готовить? – удивилась Катерина.

– Ты как-то не до конца понимаешь. Жена Галеева – это статус, Кать. Его нести надо. Ты девчонкой уже набегалась, хватит.

Катя посерьёзнела, выпрямилась и встала.

– Я... не пойму, Иван Никитич, как это нести?

– А ты присматривайся, наблюдай, больше серьёзности. А то чуть что – ты в слёзы. Гардеробчик обновить надо. Я в этом деле-то не большой знаток. Если что достать, отрез там, туфли, скажи, посолидной будь. А то вон, девчонка девчонкой... косички, – Иван Никитич подбил, висящие бубликами косы.

– Это я дома, чтобы не мешали, – смутилась Катя.

– Может причёску какую сделаешь... В общем, Катерина, подумай. А за дом не переживай... Будет кому следить, – Иван Никитич, чиркнул спичкой, закурил, загадочно прищурился.

Катя не придавала значения последним словам, потрогала себя за косы и задумалась над своей «солидностью». Как это? Что ей, одеваться, как сорокалетней? Сделать завивку, как у артистки Серовой? В голову лезла «Мачеха» из «Золушки», последнего фильма, который она посмотрела в Саранске.

«Соответствовать»... Как? »

Вспомнилась та надменная дамочка на вокзале. Катя вздохнула и решила, что она обязательно что-то предпримет, но не сейчас. Сейчас ей нужно закончить стирку.

Единственным препятствием, которое мешало ей полностью окунуться в радость новоселья и которое не давало ей покоя – была тайна: чья была эта квартира? Кто в ней жил? Что случилось с этими людьми? Кто такой Сомов, про которого упомянула вахтёрша? Тут жила семья, были дети. Катя находила детские рисунки, тетради, игрушки. Их было немного, словно

их не успели спрятать или забыли впопыхах. Куда они делись? Что произошло? Она видела инвентарные номера на мебели и на некоторых вещах. Одна догадка сменялась другой, более страшной.

– Иван Никитич! – решила спросить она супруга, – А чья это была квартира, кто тут жил раньше? Кто такой Сомов?

Галеев резко встал и подошёл к ней, посмотрел тяжёлым чужим взглядом, словно не было той трогательной минуты у рояля. Катя поняла, что спросила что-то неприятное для мужа и потупила взгляд.

– Наша это квартира, понимаешь?! Наша! Твоя и моя. Государство нам её дало, понимаешь? Это не чужое... наше. Кто-то жил – уехал... Нет больше никого. Только мы с тобой. Я её заслужил! Знала бы ты, через что мне пришлось пройти... – Галеев запнулся, сморщился, будто нахлынули тяжёлые воспоминания, от которых стало неприятно.

Катя не стала расспрашивать. Она вообще никогда ничего не расспрашивала у него. Была ли семья, дети, где он был в войну? Ей казалось, что расспросами она может вызвать гнев или грубость Ивана Никитича. Катя чувствовала, что жизнь Галеева была полна драм и трагедий и обращать свои воспоминания к ним он не желает. Для себя она объясняла этим суровость и грубость супруга. Словно прячет за ней свою боль и тяжесть пережитого. Да и сам Иван Никитич никогда не спрашивал о её прошлом. Будто не было ничего в прошлом ни у него, ни у неё и жизнь началась с чистого листа.

Ей вспомнились рассказы матери о квартире в Ленинграде, где она родилась и откуда их выслали в Саранск. Там ведь тоже, наверное, живут сейчас люди и считают их квартиру своей. Но ведь там жил её отец. И его отец. Катя отошла от супруга. Захотелось сыграть что-то грустное. Она села за рояль и комната стала наполняться «Грёзами любви» Листа. Дойдя до модуляции, Катя остановилась, задумалась. Лист будто бы специально сочинил свой ноктюрн, когда человеку становится грустно. Он сопереживает, грустит с тобой, а потом, словно кладёт на плечо руку, «ерунда, всё будет хорошо!». И появляется надежда, солнце, радость. Катя громко и игриво взяла мажорный аккорд, задорно улыбнулась и подняла голову. У рояля стоял Иван Никитич и внимательно следил за ней. Ей показалось, он тоже понял её настроение. Еле заметная улыбка осветила его лицо.

Постепенно жизнь в новой квартире становилось повседневной. Ушло то навязчивое чувство присутствия «старого хозяина», бытовые «излишества»: газ, горячая вода, туалет становились привычными и необходимыми. Катя на многие вещи смотрела уже без того трепета и робости, какая была вначале, с практической хваткой и хозяйским взглядом. Выходы в город становились всё более редкими. Она много читала, слушала музыку по радио, играла сама. Появилось новое увлечение – радиоло. От прежних хозяев остались три-четыре пластинки легкой музыки с Изабеллой Юрьевой, Козинцевым. Катя купила ещё несколько пластинок классической музыки, в основном фортепьянной и часами слушала, внимая мастерству исполнителей, разбирая и вникая в каждый услышанный пассаж.

Изредка ходила на Покровку, где располагался специальный магазин для работников МВД и отоваривала спец. карточки. С соседями знакомства не искала, считала их недоступными для общения. Вахтёрша, как ей казалось, смотрела с каким-то высокомерием, хотя нарочито вежливо отвечала на приветствие. Катя же, прожогом проскакивала мимо, чтобы не нарываться на расспросы или замечания.

И с Иваном Никитичем отчуждения становилось всё меньше. Она часто вспоминала, как разговаривала мать с отцом – почтительно, тактично и всегда уважительно. Катя старалась так же общаться и с Галеевым. И ему это нравилось. Она заметила, как он становился с ней более мягок, что больше убеждало её в том, что делает она всё правильно. Семейная жизнь – это прежде всего терпение. В чём она никак не могла себя убедить, так это быть не такой скованной в постели. Она по-прежнему в близости корчила гримасу боли и страдания, чем ужасно

расстраивала Ивана Никитича. И тут уже не работало ни терпение, ни старание как-то расслабиться, отвлечься. Каждый раз, ложась в постель, она боялась, что Галееву захочется близости. Она старалась ускользнуть от этой «обязанности», ссылаясь то на усталость, то на неотложные дела, которые ещё необходимо доделать, либо вставала раньше Ивана Никитича, что-то стряпала, притворяясь занятой, и всевозможными хитростями избегала близости. Когда же деваться было уже некуда, она, как всегда отворачивалась к стенке, сжимала кулаки и сильно зажмуривалась, даже старалась не дышать, будто погружалась в некую жидкую грязь с головой, уговаривая себя, что это на несколько секунд, только несколько секунд. К этому тоже нужно привыкнуть. Когда эта «безысходность» настигала ночью, было проще, было темно и Иван Никитич не видел этого мученического вида, но потом она долго не могла уснуть из-за видений, словно в неё проникло жуткое чудовище. Утром же, разгорался стыд, заливая щеки багровым румянцем и страх, что Иван Никитич будет в обиде.

– Что ты, Катерина, кривишься, будто я насильничаю? – заметил как-то утром Галеев, – Будто я фашист какой, а ты партизанка. На тебя глянешь, всё желание пропадает.

Катя густо покраснела, но объяснить, либо придумать какую-нибудь причину своей реакции не могла. И прежде всего себе. Накатывал страх, опускался холодный туман и всё, она была бессильна что-либо поделать. Она виновато смотрела вниз. Галеев выжидал и смотрел на неё. Катя боялась поднять глаза и затянувшаяся пауза ещё сильнее заливала щеки румянцем. Она закрылась руками.

– Может я, что не так делаю? Или у тебя какой изъян? Может к доктору показаться?

– Нет! – вздрогнула Катя, – у меня... у меня всё нормально, просто я...

Касаться этой темы она вообще не хотела катастрофически и злилась на себя, что не смогла придумать какую-нибудь достоверную историю и дотянула до этого разговора. Галеев внимательно посмотрел, так и не удостоившись объяснения. Катя подняла глаза и постаралась задержать взгляд на супруге, не отводить, как обычно, хотя бы взглядом передать, что ей эта тема неприятна. Понял ли Галеев, но отвел взгляд, опустил задумчиво голову и встал.

– Ну ничего, родишь, глядишь и разохотишься. Тебе по бабьи-то поговорить с кем-то надо. Подружку бы завела, что ли, с опытом...

– А который час? – решила перевести разговор Катя, сделала вид, будто она куда-то сильно опаздывает. Разговор о беременности пугал её ещё сильнее, чем сам процесс зачатия. Она вскочила, заметалась по комнате, быстро накинула халат и, не дождавшись ответа от Ивана Никитича, выскочила из спальни.

К завтраку Иван Никитич вышел в парадном кителе с орденской планкой и в тапочках. Катя замерла. Она впервые после той встречи на концерте в Саранске увидела супруга в парадной форме.

– Сегодня какой-то праздник? – удивлённо спросила она Галеева.

– Вызывают, – Иван Никитич поднял вверх палец и поднял к потолку глаза. По торжественному виду она поняла, что мероприятие крайне важное для супруга и даже немного расстроилась, что утром так вышло. Она почувствовала себя виноватой.

– Я сейчас сапоги начищу, до блеска, – кинулась она в коридор, – а Вы завтракайте, Иван Никитич...

– Посиди со мной, – остановил её Галеев, – я в ботинках пойду, посиди.

Катя остановилась, настороженно и медленно опустилась на табурет. Ей ужасно не хотелось, чтобы Иван Никитич продолжил тот разговор и она с тревогой ждала, что он ей скажет.

– К Лаврентию Палычу иду, – Галеев глубоко вздохнул и отхлебнул чай, – лично...

Катя впервые заметила такую напряженность у супруга. Он никогда не говорил о работе, не делился своими сомнениями, а тут заметно нервничал. Это нервозность передалась и ей. Почему-то вспомнился Сомов. Что если его вот так же вызывали, лично, а потом... только инвентарные номера, да какие-то мелкие предметы, напоминавшие об их существовании. Она

обвела взглядом столовую, словно прощалась, с тревогой посмотрела на Галеева. Тот сосредоточено, уставившись перед собой, машинально мят пальцами хлеб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.